

Просидев в машине почти десять минут, Лу Сяоянь издали увидел, как Линь Гуанлэ катит мотоцикл к перекрёстку, а за ним следует Лин Си. Мотоцикл был покрыт грязью, и они сами были не чище. Линь Гуанлэ, идя, размахивал руками и что-то рассказывал.

Лу Сяоянь вышел из машины и направился к ним, его тон уже был резким:

— Что с вами случилось?

Линь Гуанлэ, увидев его, не удержался от смеха:

— Не спрашивай. Я только что взял Лин Си покататься на мотоцикле, но слишком разошёлся, и мы случайно упали в канаву. К счастью, дождя не было, и в канаве была только грязь, а не вода, иначе было бы хуже, наверное, до сих пор плавали бы.

Лу Сяоянь сначала посмотрел на Линь Гуанлэ. Его нижняя часть тела была покрыта грязью, и уже невозможно было разобрать, какого цвета была одежда. Штаны на коленях были порваны, висели клочья ткани. Лин Си был не лучше: на его руках, кроме грязи, было несколько царапин, а его белая кожа делала их ещё более заметными.

Лу Сяоянь всё больше раздражался, его охватил гнев. Он указал на лоб Линь Гуанлэ и спросил:

— Я же тебе говорил? Разве я не говорил, чтобы ты больше не трогал мотоцикл? Ты правда хочешь стать инвалидом и провести всю жизнь в инвалидном кресле?

Но Линь Гуанлэ не воспринял его всерьёз и продолжал болтать с Лин Си о том, как они упали с мотоцикла.

Лу Сяоянь указал на Линь Гуанлэ, ничего не сказав, затем на Лин Си, тоже не проронив ни слова. Наконец, он смирился и кивнул, открыл багажник, порылся там и вытащил железный прут толщиной с кулак. Затем он подошёл к Линь Гуанлэ, пнул мотоцикл, и, размахнувшись, ударил по нему прутом. После нескольких ударов мотоцикл быстро деформировался, но Лу Сяоянь всё ещё не успокоился. Он продолжал бить и пинать мотоцикл, пока тот не развалился на куски. Затем, тяжело дыша, он швырнул прут и уехал на машине.

Лин Си всё это время стоял в нескольких шагах, наблюдая, как Лу Сяоянь, словно безумец, вымещает свой гнев. Он смотрел на груды металлолома, его глаза были широко раскрыты, а лицо выражало страдание. Линь Гуанлэ, зная характер Лу Сяояня, понимал, что его гнев быстро проходит, но он беспокоился, что Лин Си, впервые увидев такое, может испугаться. Он подошёл к нему и тихо успокоил:

— Всё в порядке, Сяоянь такой, он быстро успокоится, это не против тебя. И он только выглядит страшно, обычно он не лезет в драку...

Но Лин Си, похоже, не слушал Линь Гуанлэ. Он продолжал смотреть на груды металлолома и наконец пробормотал:

— Четыреста тысяч, и всё пропало...

Лу Сяоянь уехал, оставив их в облаке выхлопных газов, что вызвало у Линь Гуанлэ чувство неловкости. Ему было всё равно потерять мотоцикл, и он не обращал внимания на то, что Сяоянь отругал его, но он чувствовал, что потерял лицо перед «малышом». Как теперь он сможет быть «старшим братом»?

Увидев, как Лин Си смотрит на грудку металлолома с сомнением, Линь Гуанлэ начал объяснять:

— Не обращай внимания, не задирайся на этом. Он просто вспыльчивый и раздражительный, пусть немного пройдёт, подышит воздухом, и всё пройдёт...

Но Лин Си не понял его намерений:

— Он же не на меня злился, зачем мне переживать?

Линь Гуанлэ был озадачен, он почесал голову, закатил глаза и попытался оправдаться:

— Да, ха-ха, я думаю, он тоже не на меня злился. Может, ему просто не понравился цвет мотоцикла...

Лин Си сразу же согласился:

— Ты покрасил его слишком ярко, это режет глаза.

Как специалист по истории искусства и теории искусства, Линь Гуанлэ почувствовал, что его словно ударили ножом. Он с безразличием обнял Лин Си за плечи, как будто хотел на нём повисеть:

— Ладно, ладно, пойдём поедим. Я наглотался холодного воздуха, нужно выпить горячего чая, чтобы согреться...

Вскоре Дай Чжию привёз свежие продукты. Он только что расстался с любимой девушкой, и его настроение было подавленным. Ему срочно нужна была поддержка друзей и удовольствие от готовки, чтобы временно забыть о боли. С момента, как он вошёл, он не переставая занимался готовкой: мыл овощи, резал их, варил бульон. Постепенно он наполнился энергией.

Линь Гуанлэ, не занятый ничем, подошёл к Лин Си и стал наблюдать, как Дай Чжию готовит, болтая при этом:

— Мы с Сяоянем знакомы давно. Он как бомба, загорается от малейшей искры, и чем ближе человек, тем меньше он его щадит. Но его гнев быстро проходит. Лучший способ справиться с ним — не обращать на него внимания, позволить ему выпустить пар, и всё пройдёт. Не пытайтесь его останавливать, иначе можно случайно пострадать...

Лин Си внимательно изучал узоры на двери, неясно, слушал ли он.

Линь Гуанлэ украл два куска мяса с разделочной доски, один съел сам, а другой сунул в рот Лин Си:

— На самом деле Сяоянь в детстве был не таким. Всё из-за того, что его мать рано умерла, а в семье были сводные брат и сестра, и отец не уделял ему внимания. Поэтому, знаешь, дети бунтуют, пытаются привлечь внимание взрослых своими выходками. Сяоянь натворил много смешного, он, наверное, не рассказывал тебе, как подкладывал сырые яйца под сиденье директора или брал с собой питона на урок плавания...

Линь Гуанлэ, выпив два глотка воды, собирался продолжить, но его прервал кашель. Оглянувшись, он увидел, что Сяоянь уже вернулся и стоял за спиной, явно раздражённый. Он быстро скорчил гримасу и побежал к Дай Чжию, притворяясь, что помогает.

На самом деле Сяоянь не успокоился, разбив мотоцикл. В тот момент он хотел повалить Линь

Гуанлэ на землю и хорошенько его отпинать, но, учитывая присутствие Лин Си, он сдержался. Он только начал устанавливать связь с Лин Си и не хотел отпугнуть его своей яростью, поэтому решил уехать.

Но, проехав немного, он понял, что нельзя оставлять Лин Си с Линь Гуанлэ. Линь Гуанлэ был воплощением ненадёжности, способным на любую глупость, а мозг Лин Си и так работал не так, как у обычных людей. Оставить Лин Си с Линь Гуанлэ было неправильным решением. К счастью, он вернулся вовремя, и Линь Гуанлэ не успел рассказать больше о его тёмном прошлом.

Отправив Линь Гуанлэ, Сяоянь на мгновение замолчал, затем привычно достал из кармана сигарету и закурил. Но едва он сделал пару затяжек, как Лин Си, опустив глаза, посмотрел на него. Сяоянь, получив этот взгляд, даже не задумываясь, побежал к журнальному столику и схватил пепельницу.

Лин Си сам никогда не курил в комнате, и если пепел попадал на ковёр, диван или одежду, он чувствовал себя так, будто его укусили блохи. Когда Сяоянь курил в комнате, он не возражал, просто держал пепельницу и следовал за ним, пока тот не закончит курить и не потушит сигарету.

Сначала Сяоянь был раздражён, но постепенно привык, и теперь пепельница всегда была у него в руках. Это подсознательное действие было похоже на его чувства к Лин Си — они менялись незаметно, но он был слишком невнимателен, чтобы это заметить.

Лин Си, постояв немного, почувствовал, что несправедливо просто есть и пить, ничего не делая. Он заглянул на кухню и, увидев, что помочь нечем, спросил у Дай Чжю:

— Брат Дурак, нужна помощь?

Не дожидаясь ответа Дай Чжю, Сяоянь быстро дал ему задание:

— Не смотри, ты с этим не справишься. Пойди, помоги накрыть на стол.

Сяоянь до сих пор с содроганием вспоминал кулинарные навыки Лин Си — если это можно было назвать кулинарными навыками. Готовить суп или варить рис он не умел, максимум — поджарить тост или яйцо на завтрак. Его яйца всегда оказывались с одной стороны подгоревшими, а с другой — сырыми, липкими и твёрдыми, их невозможно было разорвать.

<http://bllate.org/book/16461/1493773>